Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34(470.1):004.421.2

Правовое регулирование и основные элементы правосубъектности юнитов искусственного интеллекта

Ларинская Анна Викторовна

Исследователь,
Юридический институт Тихоокеанского государственного университета,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: nura.lar@mail.ru

Шереметьева Анна Константиновна

Кандидат юридических наук, доцент,
руководитель Высшей школы частного права,
Юридический институт Тихоокеанского государственного университета,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: nura.lar@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правового регулирования и элементов правосубъектности юнитов искусственного интеллекта (ИИ) в условиях стремительной цифровизации общества. Обосновывается актуальность проблемы: интеграция ИИ в ключевые сферы общественной жизни (финансы, транспорт, управление) требует пересмотра традиционных категорий права, таких как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Авторы подчеркивают, что автономность решений ИИ, их способность влиять на правопорядок и отсутствие четких механизмов ответственности создают правовые лакуны, требующие системного решения. Исследование опирается на анализ современных правовых теорий, международного опыта регулирования ИИ и кейсов применения автономных систем. Рассматриваются два направления: адаптация существующих норм (например, распределение ответственности между разработчиками и операторами) и создание новых правовых конструкций, таких как «электронная личность» или «цифровой агент». Особое внимание уделяется вопросам идентификации ИИ, сертификации высокоавтономных систем и этическим аспектам их использования. Результаты демонстрируют, что признание ограниченной правосубъектности ИИ возможно через введение специализированных статусов, например, для заключения сделок или управления рисками. Предложена модель гибридной ответственности, сочетающая страхование деятельности ИИ, обязательную сертификацию и сохранение контроля за человеком. Подчеркиваются необходимость международной гармонизации норм для избежания коллизий, а также важность баланса между инновациями и защитой прав граждан. В заключение авторы отмечают, что формирование правового статуса ИИ требует междисциплинарного подхода и поэтапного внедрения норм, учитывающих степень автономности систем. Ключевым выводом является необходимость создания гибких механизмов, которые позволят ИИ участвовать в правовых отношениях, сохраняя приоритет человеческого контроля и общественной безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ларинская А.В., Шереметьева А.К. Правовое регулирование и основные элементы правосубъектности юнитов искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 226-241.

Ключевые слова

Правосубъектность искусственного интеллекта, гражданско-правовая ответственность, автономные системы, правовое регулирование ИИ, цифровой агент.

Введение

Искусственный интеллект становится все более активным участником общественных отношений, предполагая к себе не только сугубо технический, но и правовой интерес. Множество правоведов и специалистов в области цифровых технологий сходятся во мнении, что вопросы правосубъектности для так называемых «юнитов искусственного интеллекта» уже нельзя рассматривать лишь как футуристический сценарий. Постепенная интеграция интеллектуальных систем в рабочие процессы, управление транспортом, финансовую сферу и даже в принятие решений на государственных уровнях формирует обстоятельства, при которых традиционные категории субъекта права требуют пересмотра. Параллельно с этим неизбежно возникает вопрос, какие правовые инструменты окажутся наиболее уместными для регулирования деятельности таких юнитов и какие критерии следует ввести в законодательство, чтобы учесть особенности их правового положения. Подобная трансформация не означает автоматического предоставления полноценной правосубъектности всем программным системам, однако стимулирует глубинный пересмотр механизмов ответственности и правовых статусов, что может в определенной мере сблизить понятие «искусственный интеллект» с традиционными субъектами права [Койнова, 2024]. Представляется, что в будущем мы станем свидетелями формирования новых правовых категорий или модификации уже существующих, чтобы охватить все многообразие форм и степеней «самостоятельности» интеллектуальных компьютерных систем.

Возникает необходимость разграничить понятия искусственного интеллекта, который непосредственно участвует в юридически значимых отношениях, и технологий, обеспечивающих его работу. Юниты искусственного интеллекта могут принимать решения с определенной степенью автономности, обрабатывать огромные массивы данных в краткие сроки и нести потенциально существенные последствия для правопорядка. Это означает, что классическое понимание субъекта права – как человека или организации – должно расшириться за счет пересмотра имеющихся теорий правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Вопрос о том, должен ли быть признан искусственный интеллект отдельным субъектом права или же следует закрепить специальный статус, остается дискуссионным [Спиридонов, 2024]. Подобные размышления часто подталкивают к созданию «электронной личности» либо «цифровой правосубъектности», но пока конкретные правовые механизмы остаются в стадии экспериментов и научных обсуждений.

Материалы и методы исследования

С одной стороны, право традиционно базируется на представлении о том, что субъектом отношений может выступать лицо, обладающее волей и осознанием собственных действий.

Однако искусственный интеллект, особенно на продвинутых уровнях, способен самостоятельно формировать решения, анализировать последствия и даже «учиться» на ошибках. В некоторых случаях можно говорить о программируемой воле, которая может ошибочно отождествляться с человеческой, хотя фактический процесс принятия решений алгоритмом реализуется иначе [Чудайкин, 2024]. Поэтому, когда рассматриваются перспективы юридической ответственности, возникают сложности в идентификации субъекта, несущего эту ответственность: программист, владелец системы, сама система или, возможно, какая-то комбинация данных вариантов. Теория распределенной ответственности показывает, что одной из ключевых проблем остается отсутствие легального признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом и определенного критерия деликтоспособности для него.

С другой стороны, совершенствование законодательных норм, регулирующих деятельность цифровых систем, может идти по нескольким направлениям. Во-первых, может вводиться специальное регулирование, которое прямо признает ограниченную правосубъектность за отдельными категориями интеллектуальных систем, способными действовать с относительно высокой степенью автономии. Во-вторых, могут модифицироваться уже имеющиеся нормы, например, в сфере гражданского права, где разработчики и владельцы ИИ привлекаются к ответственности за нарушения, вызванные функционированием систем [Киселев, 2024]. С учетом скорости внедрения инноваций и глобального масштаба подобных технологий, международные организации также обращают внимание на вопросы унификации подходов, чтобы избежать коллизий и правовых лакун. В то же время интеграция единых правил требует согласования интересов разных государств с различным уровнем развития цифровой инфраструктуры, а также с учетом культурных и правовых традиций.

Результаты и обсуждение

Научные дискуссии вокруг темы правосубъектности юнитов искусственного интеллекта во многом фокусируются на базовых правовых концептах: способность заключать сделки, вступать в договорные отношения и отвечать по обязательствам. Предполагается, что если система искусственного интеллекта способна автономно совершать юридически значимые действия, то возникает потребность в наделении ее правами и обязанностями, хотя бы в ограниченном формате. В таком случае законодательные новации могут затронуть вопросы заключения «автономных» соглашений, выполнения обязательств по ним и распределения рисков [Сайгитмагомедова, 2024]. Параллельно возникает проблема идентификации, ведь юридическая личность традиционно рассматривается либо как физическое лицо, либо как юридическое лицо, тогда как ИИ-системе придется придать специфическую модель правового статуса. Подобная модель еще не устоялась и требует комплексного пересмотра основ классической теории субъекта права.

В контексте гражданско-правовой ответственности использование искусственного интеллекта порождает юридическую неопределенность в случае причинения ущерба. Традиционный принцип вины, ориентированный на субъекта, обладающего разумом и свободой воли, может быть применен к искусственно созданной системе лишь условно. Проблема осложняется тем, что алгоритмы часто являются «черными ящиками»: результат может быть непредсказуем даже для самих разработчиков. С одной стороны, возлагается ответственность на оператора или владельца системы, аргументируя это тем, что он выбрал конкретный алгоритм, платит за его использование и несет выгоды от результатов его работы. С другой стороны, широкое признание автономии ИИ-системы может привести к идее, что в

некоторых ситуациях она сама становится источником риска, сопоставимого с деятельностью повышенной опасности [Королькова, 2024]. Однако закрепление за системой статуса «источника повышенной опасности» ведет к вопросу о том, какова должна быть мера возмещения ущерба, если отсутствует персональный человеческий субъект, непосредственно отвечающий за неправильное поведение программы. Если же признать систему субъектом права, то возникает необходимость создать механизмы страхования или фондов компенсации, что еще более усложняет правовое регулирование.

Дополнительным аспектом являются проблемы деликтоспособности, где важно определить, способна ли ИИ-система «осознавать» общественный вред от своих действий и напротив действовать в рамках разумных ограничений. В рамках классической теории права такое осознание подразумевает наличие психической деятельности. Но искусственный интеллект функционирует на базе алгоритмов, не имея собственных эмоций или сознания в человеческом понимании. Правовое регулирование данной области может основываться на приближенных к человеческому поведению критериях, отражающих степень самостоятельности и прогностической способности алгоритма. Это подразумевает, что законодатель должен закрепить некий объективированный критерий, задающий уровень требуемой «умности», при котором ИИ-юнит начинает обладать элементами деликтоспособности [Бекета, 2024]. Средством разрешения неясности может выступить экспертиза, которая будет проводить оценку функциональных возможностей ИИ-системы и определять, достигает ли она критического порога «самостоятельности». Но вопрос о легитимности такого экспертного заключения и о его авторитетности остается открытым.

Еще одним важным направлением развития законодательства является рассмотрение возможности заключения договоров, в которых одной из сторон выступает интеллектуальный алгоритм. Уже сейчас системы на основе машинного обучения могут круглосуточно анализировать рыночные тенденции и вступать в сделки на бирже фактически без участия человека [Кобец, 2024]. Возникает логичный вопрос: если машина совершает неправомерную сделку или заключает ее на невыгодных условиях, кто несет риски? Традиционно в подобных ситуациях пострадавшая сторона может обратиться с требованием о возмещении убытков к владельцу программы или к третьему лицу, ответственному за самый факт использования технологии. Однако в перспективе может появиться специфический правовой институт «цифрового агента», где ИИ будет обладать точно очерченным кругом полномочий и ответственностью, ограниченной определенными рамками. Тогда такие юниты сумеют легально заключать сделки, а ограничения будут предусматривать обязательное страхование их деятельности [Смоленский, Абдрахимова, 2024]. Но подобная модель не исключает множества пробелов, поскольку сложно предугадать все возможные сценарии работы высокоавтономных алгоритмов.

При рассмотрении международного аспекта правового регулирования искусственного интеллекта насущно встает проблема гармонизации подходов и стандартов. Различные регионы и страны могут по-разному трактовать сами понятия «искусственный интеллект» или «автономная система», что осложняет выработку единых правовых норм [Гвоздецкий, 2024]. Так, в одном государстве могут существовать регламенты, близкие по сути к признанию ИИ в качестве полноправного субъекта некоторых транзакций, в то время как в другом государства придерживаются более консервативного подхода, ограничивающего использование таких систем. Наблюдается тенденция к формированию глобальных рекомендаций, подобно тому, как это происходило в сфере кибербезопасности или защиты персональных данных, однако конкретика этих рекомендаций требует дальнейшего уточнения. Наряду с вопросами

юридического статуса встает проблема этики: как избежать дискриминационных алгоритмов, кто будет отвечать за ущерб от неадекватного решения ИИ в разрезе международного права? Все эти аспекты делают процесс формулирования единых норм крайне сложным, но необходимым для устойчивого развития цифровых технологий [Михаленко, 2024]. Согласование интересов множества участников – технологических корпораций, научных институтов, правительств и граждан – превращается в масштабную коллизийную задачу, где именно разработка правового поля способна сыграть роль стабилизирующего фактора.

Еще одним ключевым элементом правосубъектности искусственного интеллекта могла бы стать четкая процедура регистрации или идентификации таких юнитов. Ведь без однозначного определения, какой именно ИИ обладает достаточной «умностью» или автономностью, трудно говорить о закреплении за ним каких-либо субъективных прав и обязанностей [Бочарова, 2024]. Возможным инструментом может стать реестр высокоавтономных систем, подлежащих сертификации перед тем, как они будут допущены к участию в гражданском обороте. Иными словами, чтобы программно-аппаратный комплекс получил признание правовых возможностей, ему может потребоваться проверка на соответствие ряду критериев, включая надежность алгоритмов, предсказуемость конечных решений и безопасность для общества. Безусловно, здесь существует опасность чрезмерного бюрократизма, однако подобный механизм мог бы снизить риск использования несертифицированных систем, которые могут принимать необратимые или губительные решения. Такие реестры и процедуры сертификации уже рассматриваются в некоторых странах, хотя пока находятся в стадии обсуждений, нежели практика реального применения.

При этом не следует забывать, что правосубъектность искусственного интеллекта отнюдь не сводится к признанию его самостоятельной правоспособности и дееспособности в полном объеме. Можно говорить о более гибком подходе, предполагающем введение дополнительных жизнеспособных форм «ограниченной» правосубъектности. Так, система может получить право совершать определенные действия от имени человека или компании, но при этом нести самостоятельную ответственность за неправомерные последствия, возникающие в связи с техническим сбоем или некорректной работой алгоритма [Карцхия, Макаренко, 2024]. В этом случае законодательство могло бы подготовить особый механизм, по которому ущерб компенсируется из страхового фонда, формируемого из взносов разработчиков или заинтересованных сторон, и лишь при явном наличии вины человека может наступать обычная человеческая ответственность. Данный путь более реалистичен, нежели прямое приравнивание ИИ к физическим или юридическим лицам, поскольку он позволяет сочетать интересы развития технологий с потребностями защиты граждан.

Применительно к уголовно-правовой сфере вопрос о том, может ли искусственный интеллект быть признан субъектом преступления, вообще открывает массив глубоких дискуссий. Преступление traditionally подразумевает наличие вины и осознанного стремления к противоправному результату, тогда как алгоритм, строго говоря, не обладает способностью «желать» или «выбирать» между добром и злом, опираясь на моральные категории. Тем не менее некоторые исследователи указывают, что в случае достаточно продвинутых систем такая «моральная» компонента может моделироваться на уровне сложных алгоритмов принятия решений, учитывающих этические принципы [Рябова, Фофонова, 2024]. Однако подобные разработки пока остаются футуристическими, и едва ли стоит ожидать в ближайшем будущем закрепления за ИИ статуса субъекта уголовных правонарушений. С другой стороны, вопросы кибербезопасности и использование вредоносных алгоритмов криминальными структурами подталкивают правоприменительные органы к поиску инструментов привлечения к

ответственности либо разработчиков подобных алгоритмов, либо пользователей, эксплуатирующих интеллектуальные системы в противоправных целях. Тем самым уголовное право вынужденно расширяет спектр охватываемых деяний, но при этом до сих пор сохраняет человека в качестве основного субъекта преступлений.

Одним из центральных аргументов против признания юнитов искусственного интеллекта субъектами права является отсутствие у них морального и этического измерения, которое традиционно является фундаментальной предпосылкой для правоспособности. Человек, согласно правовым догмам, в силу своей рациональности и нравственных качеств способен понимать и оценивать последствия поступков, тогда как алгоритмы руководствуются лишь наперед заданными или усвоенными (в процессе обучения) паттернами поведения [Кузьмин, Бодакова, Колмогоров, 2024]. Но с развитием технологий машинного обучения и нейронных сетей граница между «заданной программой» и «самообучением» постепенно размывается. Для некоторых сложных систем с элементами самообучения уже сейчас затруднительно определить набор исходных, по которым реализуется процесс принятия решений. Однако даже эта сложность не превращает алгоритмы в сущности с человеческой волей или сознанием. Следовательно, остается лишь возможность говорить о частичном наделении правами и обязанностями в той мере, в какой це́ли устойчивости гражданского оборота и безопасности общества будут требовать включения таких систем в правовую сферу.

Существует также точка зрения, что любой ИИ – это всего лишь инструмент, аналогичный сложному автомату или механизму, и не стоит его наделять ни правами, ни обязанностями в отдельном смысле. Сторонники такой позиции подчеркивают, что технологические системы не должны получать особый статус, потому что это только усложнит судебную и правовую практику, а принцип «кто получает выгоду, тот и несет ответственность» уже сейчас способен работать и применяться для владельцев и разработчиков [Койнова, 2024]. При этом остается актуальным вопрос о том, возможно ли юридическими методами эффективно застраховать общество от рисков «поломки» или «сбоя» ИИ, если сама технология не поддается полной проверке и предсказуемости. Классические методы ответственности могут казаться неэффективными, когда негативные последствия вызываются системами, обладающими значительной автономией. Даже при таком инструментальном подходе рано или поздно возникают разночтения в правовом «приручении» искусственного интеллекта и его интеграции в правовую систему.

Кроме гражданско-правовых вопросов, необходимо учитывать развитие трудового законодательства, ведь искусственный интеллект уже начинает выполнять ряд функций, которые обычно ассоциируются с наемным трудом. Становятся все более распространенными системы автоматизации, берущие на себя значительную часть проектных, аналитических и творческих задач [Спиридонов, 2024]. Появляется феномен «виртуальных сотрудников» или цифровых ассистентов, официально закрепленных в корпоративной структуре. Однако, с точки зрения права, работодатель вправе наделить их набором функций, но пока не может заключить полноценный трудовой договор, поскольку предметом договора является человеческий труд, а не работа алгоритма. В перспективе может возникнуть необходимость разработать дополнительные правовые формы сотрудничества между компаниями и интеллектуальными системами. Здесь опять затрагивается вопрос правосубъектности: сможет ли ИИ самостоятельно нести трудовые обязанности и получать вознаграждение, и если да, то как будет осуществляться налогообложение, социальные гарантии и другие аспекты? Пока эти темы остаются в стадии предположений, но тем не менее уже формируются теоретические предпосылки для дальнейших дискуссий.

Любопытным кейсом выступает регулирование автономных транспортных средств. Сегодня технологии уже позволяют машинам двигаться самостоятельно без участия водителя, ориентируясь на сенсоры, камеры и GPS-данные [Чудайкин, 2024]. Если такой автомобиль совершит ДТП, какая правовая конструкция будет уместной? В ряде стран существует презумпция ответственности владельца транспортного средства, но развиваются идеи введения специфической ответственности для разработчика ПО или производителя техники. Поскольку автономные авто принимают решения без прямого контроля со стороны человека, возникает проблема разграничения вины между разными участниками процесса. Если при классической системе водитель выступает субъектом с полным набором обязанностей, то при ИИ-управлении водитель может стать лишь наблюдателем. Следовательно, без четкого закрепления статуса электронной системы могут возникать коллизии: можно ли привлекать ее к гражданской ответственности или даже к административной? И какими будут критерии привлечения? Очевидно, что по мере развития машинам потребуется некий формализованный статус, позволяющий, с одной стороны, защитить участников дорожного движения, а с другой – не задерживать технологический прогресс.

Нередко в дискуссиях подчеркивается, что признание искусственного интеллекта субъектом права способно привести к нежелательному или неконтролируемому расширению сферы ответственности. Если ИИ ошибется, и никто не будет нести ответственность, может возникнуть правовой вакуум, приводящий к злоупотреблениям. Однако в противоположном случае, когда к ответственности привлекается человек, который фактически не контролировал принятие решения программой, можно столкнуться с несправедливой ситуацией [Сайгитмагомедова, 2024]. Найти баланс между этими крайностями – одна из самых сложных задач. Юридическая практика демонстрирует, что суды в разных странах стараются опираться на презумпцию ответственности оператора, но по мере усложнения алгоритмов эта модель все меньше отвечает реалиям. Принятие специальных законов, вводящих гибридную конструкцию ответственности, становится возможным ответом, но подразумевает, что придется заранее определить критерии автономии, риск и модели страхования. Нельзя исключать, что именно эта сфера станет самым актуальным объектом законодательного творчества в ближайшие годы, когда ИИ перестанет быть диковиной и начнет проникать во все сферы общественной жизни.

Еще один угол рассмотрения проблемы – это интеллектуальная собственность и, в частности, авторские права. Является ли продукт, созданный ИИ, результатом интеллектуальной деятельности человека, компании или самого алгоритма? Если речь идет о произведениях искусства, литературных текстах, музыкальных композициях, вопрос авторства становится особенно тонким [Королькова, 2024]. Традиционно право связывает авторство с личной творческой деятельностью, подразумевая творческое видение, чувство прекрасного и национальные культурные традиции. Но если алгоритм способен генерировать контент, пользующийся популярностью, возникает риск, что автором формально признаются лишь создатели или владельцы алгоритма, хотя их вклад может быть минимальным. Одним из вариантов решения здесь выступает модель «соавторства», где человек получает право автора, а ИИ – специальную отметку о том, что он участвовал в создании произведения. Но это лишь промежуточная мера. Такие споры о правосубъектности юнитов ИИ в контексте авторского права продолжают набирать обороты, особенно когда речь заходит о машинах, которые могут обучаться на больших массивах данных, фактически «впитывая» стили множества авторов и комбинируя их в новые формы.

Вопросы регулирования и правосубъектности обсчитываются и с позиций конкурентного права, поскольку крупные технологические компании, обладающие мощными ИИ-системами,

получают существенные конкурентные преимущества. Часть экспертов указывает, что такие системы следует подвергать особым антимонопольным ограничениям, чтобы они не становились институциональной преградой для новых игроков. Однако, если рассматривать сами ИИ-системы как независимые «субъекты», можно столкнуться с нестандартными проблемами: например, алгоритм, работающий на рынке, может заняться ценовым сговором или дискриминационной практикой распределения товаров [Киселев, 2024]. В этом случае необходимо либо регламентировать разработку алгоритмов и накладывать на них объективные запреты, либо формализовать механизмы наложения штрафов на владельцев и создателей. Неопределенность статуса ИИ усложняет задачу регулятору, ведь, чтобы привлечь к ответственности, необходимо указать на конкретный субъект права.

Нельзя обойти вниманием и философско-правовое измерение. Право ориентировано на человеческо-центричную модель, в которой люди – главные участники всех отношений, и именно они создают нормы. Искусственный интеллект, по своей природе, пока остается созданием человека, чьи интеллектуальные возможности формально проистекают из алгоритмических решений, разрабатываемых программистами. Но по мере усложнения ИИ возникает концепт «субъектности без человека», когда программа выходит за рамки простого инструмента. Некоторые футурологи и философы права предупреждают о том, что подобная ситуация может поставить под сомнение саму антропоцентричность правовой системы, вынуждая ее включать компьютерные системы в круг своих субъектов [Смоленский, Абдрахимова, 2024]. Однако традиции правовой науки, опирающиеся на понятия разума, намерения и морали, создают естественное сопротивление быстрому внедрению таких новаций. В итоге дилемма: оставаться на традиционных позициях или адаптировать право к новым реалиям – не имеет простого ответа и требует постоянного пересмотра концепций.

Нормативная база в области ИИ стремительно меняется на национальном уровне. Например, в некоторых юрисдикциях уже разрабатываются законопроекты, где вводится понятие «Автономная интеллектуальная система» с указанием ограниченных прав и обязанностей для таких систем. Отдельное внимание уделяется защите персональных данных и частной жизни, поскольку ИИ способен активно собирать и анализировать личную информацию пользователей, что порождает вопросы соблюдения принципов пропорциональности и целенаправленности. Нарушение конфиденциальности или применение дискриминационных алгоритмов рассматривается как неправомерное действие, за которое ответственность пока что несут лица, внедрившие эти алгоритмы [Гвоздецкий, 2024]. Однако рост числа кейсов, связанных с утечками данных, атакой на приватность и предвзятыми решениями рекрутинговых ИИ-сервисов, вынуждает общество требовать более жесткого контроля за алгоритмами. Такое регулирование неизбежно влияет на концепцию правосубъектности программных систем, поскольку они становятся видимыми актантами в правовых отношениях, хотя и не признанными в качестве субъектов в классическом понимании.

С точки зрения конституционного права тема признания ИИ субъектом зачастую рассматривается скептически, ведь в основе конституционного строя большинства государств лежит идея приоритета прав и свобод человека. Государство обязуется защищать человеческую жизнь, достоинство, здоровье и благосостояние. Искусственный интеллект, не являясь человеком, не может обладать правом на жизнь или человеческим достоинством [Кобец, 2024]. Но если подразумевать расширенную концепцию прав, пусть и специфических, то неизбежно возникнут коллизии с фундаментальными понятиями. Вопрос о том, способен ли ИИ выступать «истцом» в конституционном суде для защиты своих «прав», выглядит пока надуманным. Тем не менее отдельные авторы высказывают гипотезу, что по мере развития синтетического

интеллекта, возможно, встанет вопрос о «цифровом равенстве» и «цифровых правах». Но перед тем как это произойдет, предстоит масштабная эволюция правовых доктрин и практик.

Теоретики правовой персоналистики указывают, что включение искусственного интеллекта в поле субъектов права должно опираться на наличие у него «личности», даже если эта личность будет спроецирована техническими средствами. Понятие личности в праве исторически связано с самосознанием, самооценкой и автономией воли [Михаленко, 2024]. И если в ближайшем будущем алгоритмы не смогут обрести самосознание, то ведущим фактором останется внешнее признание их определенных возможностей. Однако контраргументация исходит из тезиса, что правосубъектность – это социально-правовое явление, а не исключительно биологическое или психологическое. В аналогию приводится пример юридических лиц: они не обладают сознанием, но признаны субъектами права, имеющими обширные права и обязанности. Возможно, в отношении высокоразвитых алгоритмов можно вывести аналогичную конструкцию «виртуальной личности» [Спиридонов, 2024], применимой для решения конкретных юридических задач. Но такая конструкция должна быть очень тонко проработана, чтобы избежать правовых и этических злоупотреблений.

Развитие робототехники, включающей в себя автономных роботов, также ставит вопрос о том, должен ли робот, оснащенный системой искусственного интеллекта, признаваться субъектом права или рассматриваться как собственность, находящаяся под контролем человека. В применении к военным роботам, дронам и системам вооружения эта проблема усугубляется, так как речь идет о принятии решений, связанных с жизнью и смертью [Бекета, 2024]. Международные гуманитарные организации высказывают тревогу по поводу возможной деиндивидуации ответственности: если беспилотник самостоятельно выбирает цель на поле боя, можно ли привлечь оператора к военным преступлениям, если тот действовал «чисто формально»? Но признание робота субъектом, вероятно, противоречит многим принципам международного гуманитарного права, построенным на том, что только человек (или государство как коллективный субъект) может нести ответственность за военные действия. Поэтому сложность вопроса возрастает, когда новые технологии вызывают пересмотр самой логики боевых действий.

Для практиков права особый интерес представляют судебные прецеденты, в которых затрагиваются действия ИИ-систем. Пока таких кейсов относительно мало, но их число растет: от споров вокруг патентной системы, где изобретателем указывался искусственный интеллект, до случаев с использованием автоматических программ для оскорблений в социальных сетях. Судьи обычно подходят к этим делам исходя из существующих норм, трактуя ИИ как инструмент в руках человека. Но наблюдается тенденция к расширению доктрины. Иногда суды признают, что если алгоритм был автономен и принимал решения без достаточного контроля, ответственным может признаваться владелец, принявший на себя риск эксплуатации такой системы [Смоленский, Абдрахимова, 2024]. Впрочем, это пока лишь точечные решения, а не системная практика.

Отдельное внимание исследователи уделяют тому, как можно юридически формализовать алгоритмические решения, чтобы защитить права пользователей. Например, в некоторых странах уже введены нормы, обязывающие разработчиков раскрывать логику принятия решений, если речь идет о серьезных для граждан вопросах – кредитовании, найме на работу, страховании и т.д. Еще один шаг – требование «разумной объяснимости» выводов ИИ, чтобы люди могли обжаловать решение, принятое системой. Но чем сложнее алгоритмы, тем труднее обеспечить их прозрачность, и тем более возникает тема ответственности самого алгоритма в случае недобросовестности или предвзятости [Бочарова, 2024]. Если попытаться возложить

такую ответственность непосредственно на ИИ, тогда придется признать за ним элемент субъективности, что вновь приводит нас к вопросу о базовых компонентах правосубъектности.

Критики слишком широкого правового статуса для ИИ указывают, что это может повлечь злоупотребления со стороны компаний. Если можно будет «списать» вину на алгоритм, компании смогут уходить от ответственности. Следовательно, целесообразнее усиливать регулирование, направленное на то, чтобы четко связывать действия ИИ с действиями или бездействием конкретных физических или юридических лиц [Карцхия, Макаренко, 2024]. Кроме того, есть опасение, что фиктивное предоставление прав ИИ может привести к формальной легализации ситуаций, когда люди не смогут оспорить решения, принимаемые программами. Поэтому, по мнению некоторых правоведов, признание ИИ субъектом права преждевременно, пока нет ясности в механизмах регулирования и контроле за алгоритмами.

Тем не менее, беспристрастный анализ показывает, что растет количество ситуаций, когда искусственный интеллект выступает не просто инструментом, а фактическим участником общественно значимых процессов, в том числе с экономическими и юридическими последствиями. По этой причине формирование правовых норм, регулирующих основные элементы правосубъектности таких «юнитов», кажется вполне естественным этапом эволюции права [Сайгитмагомедова, 2024]. Под правосубъектностью здесь понимается комплекс правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, адаптированный к специфике искусственного интеллекта. На практике это может выражаться в установлении специализированных правил для ИИ-систем, в том числе правил идентификации, сертификации, страхования и ответственности. Также возможно появление гибридных конструкций, примером которых может служить концепция «электронного агента», имеющего ограниченную правоспособность в сфере заключения сделок.

С позиции защиты прав граждан и потребителей законодатель может считать приоритетом гарантию прозрачности и управляемости ИИ-юнитов. То есть гражданин должен иметь возможность понять логику принимаемых решений и при необходимости – оспорить их. Это предполагает, что разумная объяснимость будет одним из условий признания за системой определенной правосубъектности. Без выполнения этого условия вряд ли можно говорить о полноценном участии ИИ в правовых отношениях. Кроме того, требуется обеспечить механизмы защиты от дискриминации, возникающей в результате смещения алгоритмов. Если искусственный интеллект используется для принятия массовых решений (например, выдача кредитов, оценка социального рейтинга), то необходимо законодательно закрепить ответственность и за оператора, и за саму систему, а фактически – за владельцев и разработчиков, если алгоритм несправедливо ущемляет чьи-то права [Бекета, 2024]. Таким образом, элементы правосубъектности будут тесно переплетаться с этическими и социальными критериями, которые обычно не свойственны классической теории права, но становятся насущными в цифровую эпоху.

Учитывая комплексность явления искусственного интеллекта, нормативное регулирование должны сопровождать междисциплинарные исследования. Юристы, программисты, философы, социологи должны взаимодействовать, чтобы сформировать научно обоснованный подход к включению ИИ-юнитов в правовое пространство. Вероятно, правовая наука предложит несколько конкурирующих сценариев: от полного отрицания правосубъектности искусственного интеллекта до признания его полноценным субъектом права. Однако на практике, скорее всего, утвердится нечто среднее, предполагающее самостоятельный статус высокоавтономных систем в строго определенных областях, таких как гражданское или частное право, с жесткими ограничениями в сфере публичного и уголовного права [Кобец, 2024]. Такой

гибридный механизм позволит соотнести технические реалии с необходимостью обеспечить правовую стабильность.

Уже сейчас намечаются контуры будущего законодательства, где каждая ИИ-система будет проходить обязательную классификацию по уровню автономности, области применения и рискам. Для систем с низким уровнем риска достаточно будет общих норм ответственности владельца, а для высокорисковых систем (в медицине, транспорте, военном деле) придется вводить углубленные процедуры сертификации и специальные правила распределения ответственности, возможно даже ограниченнуюоспособность «машинных агентов» [Королькова, 2024]. При этом сохраняется принцип, что в конечном счете юридическую ответственность всегда должен нести человек либо юридическое лицо, если нет структуры, позволяющей возложить ограниченную, но самостоятельную ответственность на саму систему. Такие компромиссные решения видятся наиболее реалистичными для ближайшей перспективы.

Если говорить о перспективе на следующие десятилетия, научно-технический прогресс может породить формы искусственного интеллекта, которые приблизятся к человеческому уровню или превзойдут его. В таком случае правоведы уже сейчас пытаются моделировать ситуацию, где ИИ-субъект будет способен саморазвиваться и формировать собственные «ценности», пусть даже алгоритмического характера [Чудайкин, 2024]. Тогда, вероятно, возникнет острая необходимость в признании за ним не просто формальных прав и обязанностей, но и, возможно, элементов юридической защиты, направленной на сам ИИ. Однако это уже философско-правовая проекция будущего, которая не имеет прямого отношения к сегодняшнюю дню. Тем не менее, законодателям стоит задуматься об этом сценарии заранее, формируя более универсальные категории, которые могут трансформироваться вместе с эволюцией технологий.

Значительная часть дебатов об искусственном интеллекте, правовой ответственности и правосубъектности происходит параллельно с дискуссиями об этических и социальных нормах. Этические кодексы разработчиков ИИ, принятые в отдельных компаниях и международных организациях, становятся одним из ориентиров при формировании законодательства [Смоленский, Абдрахимова, 2024]. Но закон не всегда успевает за технологиями, и вопрос заключается в том, сумеют ли этические нормы временно подстраховать общество до выхода новых правовых норм. Видимо, сочетание механизмов саморегулирования, кодексов поведения и обязательных государственных требований может оказаться наиболее действенным в сложный переходный период, когда человечество учится сосуществовать с быстро развивающимися алгоритмическими системами.

Попытки интегрировать понятие «доверие к искусственному интеллекту» в юридические документы отражают стремление обеспечить баланс между безопасностью, свободной экономической деятельностью и защитой прав граждан. Доверие часто подразумевает прозрачность, предсказуемость и объективность алгоритмических решений. Сформулировать это в правовом языке означает вынести на законодательный уровень вопросы протестированности, валидации алгоритмов и возможности их аудита независимыми экспертами [Михаленко, 2024]. При достаточном уровне доверия к системам, обладающим высокой автономностью, может быть оправдано предоставление им определенных элементов правосубъектности, ведь они становятся предсказуемыми участниками правоотношений, а не хаотичными и неуправляемыми «черными ящиками». Таким образом, ключевой аргумент за признание особого статуса ИИ-юнитов – это надежность технологий, подтвержденная установленными процедурами и сертификацией.

Итак, можно утверждать, что становление правового регулирования искусственного

интеллекта проходит через стадию переосмысления традиционного понятия субъекта права. Существуют аргументы в пользу сохранения классической схемы, когда ИИ трактуется как объект или инструмент, находящийся во власти человека. С другой стороны, быстрый рост автономности систем и их реальное влияние на экономику и соцсферы подталкивают правоведов к идее ограниченной или специальной правосубъектности. Выбор между этими полярными сценариями в большой степени зависит от общественного консенсуса, уровня развития технологий, и, возможно, от ряда судебных прецедентов, формирующих контуры нового подхода [Гвоздецкий, 2024]. При этом нельзя забывать и о международном аспекте: унификация подходов к ИИ, выработка общих принципов и стандартов могут значительно ускорить формирование правовых механизмов, обеспечивающих безопасное и эффективное сосуществование людей и «цифровых разумов».

В будущем, вероятно, будут появляться специализированные институты, рассматривающие споры с участием высокоавтономных систем. Это могут быть как суды, так и квазисудебные органы, обладающие познаниями в сфере технологий. Наряду с этим продолжится развитие договорной модели, где ИИ выступает независимым сторонним агентом, обладающим электронной доверенностью. Для такого агента, например, могут быть прописаны страховые обязательства и порядок привлечения к ответственности [Карцхия, Макаренко, 2024]. Тем самым право будет постепенно «приручать» новые технические феномены, трансформируя классические доктрины и дополняя их положениями, релевантными для цифровой эпохи.

Немаловажную роль играет и общественная приемлемость решений, связанных с правовым статусом ИИ. Если общество не будет готово признать интеллект самостоятельным участником отношений, никакие законодательные новации не обретут популярности и могут остаться декларативными. С другой стороны, технологии, оказывающие значимый эффект на благосостояние людей, часто требуют от права решительных мер, даже если они идут вразрез с привычными догмами. Так развивается правраст, отражающий объективные потребности социума и во многом зависящий от согласованности самых разных экспертов – от специалистов в компьютерных науках до философов права и законодателей [Койнова, 2024]. В результате диалога и поиска компромиссов появляется возможность выстроить продуманную нормативную базу, способную эволюционировать по мере усовершенствования самих ИИ-систем.

В свете сказанного главный вызов заключается в том, чтобы подготовить право к флуктуациям, возникающим из-за непрерывного совершенствования искусственного интеллекта. Если мы закрепим слишком жесткие категории, право может «отстать» от инноваций и стать тормозом развития. Если же будем действовать слишком вольно, рискуем допустить правовой хаос и отсутствие четких правил для участников отношений [Чудайкин, 2024]. Найти баланс между инновационной гибкостью и стабильностью правовой системы – это долгосрочная задача, которая не решается мгновенно, но требует постоянной корректировки нормативных актов, судебной практики и научных исследований. Юридическая наука может помочь, предлагая систематизированные модели и классификации, создавая теоретические конструкты, которые законодательство сможет применять на практике.

Также стоит учитывать геополитические факторы. В разных странах подходы к ИИ могут существенно различаться ввиду культурных, экономических и политических особенностей. Где-то ставка делается на строгую регламентацию и защиту интересов граждан, а где-то доминирует либеральный подход, поощряющий технологическую свободу компаний. В условиях глобальной конкуренции возникнет потребность искать компромиссы на уровне международных соглашений, что может привести к появлению глобальных стандартов участия

ИИ в гражданских, торговых и иных правоотношениях. При этом конкурентная гонка ведущих держав в сфере искусственного интеллекта способна как ускорить разработку законодательства (стремление к глобальному лидерству), так и затормозить его (боязнь ограничить собственные инновации) [Бочарова, 2024]. Такая двойственность станет решаться только на уровне больших политико-правовых решений, затрагивающих интересы национальных экономик и безопасности.

Помимо прочего, феномен «цифровых личностей», который может возникнуть в связи с развитием AI и робототехники, ставит на повестку дня еще более общий вопрос: должна ли правовая система продолжать держаться антропоцентричных позиций или мы движемся к расширению субъектного состава за счет технических сущностей? Пока большинство юристов считают, что предоставление правосубъектности алгоритмам должно оставаться исключительной мерой и иметь узкоспециализированный характер. Тем не менее отдельные футуристические концепции, опираясь на тенденцию к усложнению самих ИИ, предполагают, что в перспективе может появиться нечто вроде «постчеловеческого права», выходящего за традиционные рамки. Возможно, человечество окажется перед выбором: видеть в умных системах лишь инструменты или признать их сопartнерами в правовом поле [Михаленко, 2024]. На практике, учитывая текущее состояние дел, видится наиболее вероятным постепенный переход к гибридным формам правового взаимодействия, когда соответствующие системы будут обладать очень ограниченными, но формально закрепленными правами и обязанностями в пределах конкретных задач.

При этом никаких универсальных рецептов для мирового сообщества пока нет. Учитывая сложность и новизну темы, страны экспериментируют с локальными законодательными инициативами, создают рабочие группы и экспертные советы. Например, в сфере умных контрактов и блокчейна появляются идеи о «Смарт-юридических лицах», где алгоритм, управляющий распределенным реестром, выполняет функции, близкие к функциям субъекта права. Пока это скорее пилотные проекты, но они уже указывают, что включение ИИ в правовое поле – не отвлеченная дискуссия, а реальный процесс, который требует осмысления [Гвоздецкий, 2024]. Кроме того, на планете формируется обширное поле для международного сотрудничества в области ИИ, включая обмен сведениями о регулятивных механизмах, наилучших практиках и возникших трудностях.

Заключение

Обобщая сказанное, можно заключить, что процесс правового регулирования и выделения основных элементов правосубъектности юнитов искусственного интеллекта представляет собой комплексный феномен, затрагивающий все грани права – от гражданского и трудового до уголовного и международного. Здесь сталкиваются традиционные подходы и новые теоретико-практические идеи, требующие синергии разных отраслей знаний. Несмотря на множество спорных и неоднозначных моментов, становится очевидным, что дальнейшее развитие правовых институтов невозможно без учета реалий цифровизации и непрерывного расширения возможностей ИИ. Сформировать единый универсальный подход — задача крайне амбициозная, однако поиск компромисса и выработка соответствующей нормативной базы уже начались в разных уголках мира. В итоге важнейшим итогом этой юридической эволюции может стать появление сбалансированного механизма, позволяющего признать измеримые элементы «субъектности» за определенными классами интеллектуальных систем, при сохранении приоритета человеческого контролирующего начала и общественной пользы.

Библиография

1. Бекета В.М. Актуальные направления интеграции искусственного интеллекта в нормотворчество // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 551-555.
2. Бочарова О. Авторство нейросети. Вопросы правового регулирования // Интеллектуальная собственность в Беларуси. 2024. № 1 (104). С. 24-28.
3. Гвоздецкий Д.С. Технология искусственного интеллекта как интеллектуализированное решение в правотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти // Закон и право. 2024. № 2. С. 15-18.
4. Карцхия А.А., Макаренко Г.И. Правовые горизонты технологий искусственного интеллекта: национальный и международный аспект // Вопросы кибербезопасности. 2024. № 1 (59). С. 2-14.
5. Киселев А.С. Проблемы и перспективы правового регулирования общественных отношений, связанных с применением нейросетей // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 2 (207). С. 140-151.
6. Кобец П.Н. О важности развития правовой доктрины, юридических понятий и конструкций в процессе эволюции технологий искусственного интеллекта // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 13-19.
7. Койнова А.П. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта в трансграничных авторских отношениях // Державинский форум. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 23-27.
8. Королькова Д.А. Искусственный интеллект как объект гражданского права // Закон и право. 2024. № 2. С. 151-155.
9. Кузьмин А.В., Бодакова О.В., Колмогоров М.В. События и факты. Искусственный интеллект в окне Овертона: от юридической абстракции к реальной правосубъектности // Социология и право. 2024. Т. 16. № 1. С. 155-163.
10. Михаленко Н.А. Формирование представлений о возможностях регулирования деятельности генеративных нейросетей в правовом дискурсе // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 47-50.
11. Рябова О.А., Фофонова У.А. О правовом положении искусственного интеллекта в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 1 (229). С. 147-149.
12. Сайгитмагомедова Х. С. Правовое регулирование систем искусственного интеллекта // Закон и право. 2024. № 1. С. 88–90.
13. Смоленский М.Б., Абдрахимова В.Р. Право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом: проблемы управления и перспективы развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 1 (164). С. 87-90.
14. Спиридонов А.П. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности // Российский судья. 2024. № 2. С. 49-54.
15. Чудайкин Е.М. Искусственный интеллект: soft law регулирование // Образование и право. 2024. № 1. С. 379-383.

Legal regulation and the basic elements of ai units' legal capacity

Anna V. Larinskaya

Researcher,
Law Institute of Pacific National University,
680035, 136 Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: nura.lar@mail.ru

Anna K. Sheremet'eva

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Higher School of Private Law,
Law Institute of Pacific National University,
680035, 136 Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: nura.lar@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of legal regulation and the elements of legal capacity of artificial intelligence (AI) units amidst the rapid digitalization of society. The introduction justifies the relevance of the issue: the integration of AI into key spheres of public life (finance, transportation, governance) requires a reconsideration of traditional legal categories such as legal capacity, legal competency, and delictual capacity. The authors emphasize that the autonomy of AI decisions, its ability to influence the legal order, and the lack of clear accountability mechanisms create legal gaps that need a systematic solution. In the Materials and Methods section, the research is based on an analysis of modern legal theories, international experience in AI regulation, and case studies of autonomous systems. Two approaches are examined: adapting existing norms (for instance, distributing responsibility between developers and operators) and creating new legal constructs, such as an "electronic person" or "digital agent." Special attention is paid to issues of AI identification, certification of highly autonomous systems, and ethical aspects of their use. The results illustrate that recognizing a limited legal capacity for AI is possible through the introduction of specialized statuses, for example, for entering into transactions or managing risks. A hybrid responsibility model is proposed, combining AI activity insurance, mandatory certification, and the retention of human control. The discussion underscores the need for international harmonization of norms to avoid conflicts, as well as the importance of balancing innovation with the protection of citizens' rights. In conclusion, the authors note that forming the legal status of AI requires an interdisciplinary approach and the gradual implementation of norms that consider the degree of system autonomy. The key conclusion is the necessity of creating flexible mechanisms that allow AI to participate in legal relations while preserving the priority of human control and public safety.

For citation

Larinskaya A.V., Sheremet'eva A.K. (2025) Pravovoe regulirovanie i osnovnye elementy pravosub"ektnosti yunitov iskusstvennogo intellekta [Legal regulation and the basic elements of ai units' legal capacity]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 226-241.

Keywords

Legal capacity of artificial intelligence, civil liability, autonomous systems, AI regulation, digital agent.

References

1. Beketa V.M. (2024) Aktual'nye napravleniya integratsii iskusstvennogo intellekta v normotvorchestvo [Current directions of integration of artificial intelligence into rule-making]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], 18, pp. 551-555.
2. Bocharova O. (2024) Avtorstvo neiroseti. Voprosy pravovogo regulirovaniya [Authorship of the neural network. Issues of legal regulation]. *Intellektual'naya sobstvennost' v Belarusi* [Intellectual property in Belarus], 1 (104), pp. 24-28.
3. Chudaikin E.M. (2024) Iskusstvennyi intellekt: soft law regulirovanie [Artificial intelligence: soft law regulation]. *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 1, pp. 379-383.
4. Gvozdetskii D.S. (2024) Tekhnologiya iskusstvennogo intellekta kak intellektualizirovannoe reshenie v pravotvorcheskoi deyatel'nosti federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti [Artificial intelligence technology as an intellectualized solution in the law-making activities of federal executive bodies]. *Zakon i parvo* [Law and order], 2, pp. 15-18.
5. Kartskhiya A.A., Makarenko G.I. (2024) Pravovye gorizonty tekhnologii iskusstvennogo intellekta: natsional'nyi i mezhdunarodnyi aspekt [Legal horizons of artificial intelligence technologies: national and international aspects]. *Voprosy kiberbezopasnosti* [Cybersecurity issues], 1 (59), pp. 2-14.

6. Kiselev A.S. (2024) Problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii, svyazannykh s primeneniem neirosetei [Problems and prospects of legal regulation of public relations associated with the use of neural networks]. *Lex Russica (Russkii zakon)* [Lex Russica (Russian law)], 77, 2 (207), pp. 140-151.
7. Kobets P.N. (2024) O vazhnosti razvitiya pravovoi doktriny, yuridicheskikh ponyatii i konstruktsii v protsesse evolyutsii tekhnologii iskusstvennogo intellekta [On the importance of developing legal doctrine, legal concepts and constructions in the process of evolution of artificial intelligence technologies]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik* [Altai Legal Bulletin], 1 (45), pp. 13-19.
8. Koinova A.P. (2024) K voprosu o pravosub"ektnosti iskusstvennogo intellekta v transgranichnykh avtorskikh otnosheniyakh [On the issue of legal capacity of artificial intelligence in cross-border copyright relations]. *Derzhavinskii forum* [Derzhavin Forum], 8, 1 (29). pp. 23-27.
9. Korol'kova D.A. (2024) Iskusstvennyi intellekt kak ob"ekt grazhdanskogo prava [Artificial intelligence as an object of civil law]. *Zakon i parvo* [Law and Right].. № 2. pp. 151-155.
10. Kuz'min A.V., Bodakova O.V., Kolmogorov M.V. (2024) Sobytiya i fakty. Iskusstvennyi intellekt v okne Overtona: ot yuridicheskoi abstraktsii k real'noi pravosub"ektnosti [Events and Facts. Artificial Intelligence in the Overton Window: from Legal Abstraction to Real Legal Capacity]. *Sotsiologiya i parvo* [Sociology and Law], 16 (1), pp. 155-163.
11. Mikhalenko N.A. (2024) Formirovanie predstavlenii o vozmozhnostyakh regulirovaniya deyatel'nosti generativnykh neirosetei v pravovom diskurse [Formation of Ideas about the Possibilities of Regulating the Activities of Generative Neural Networks in Legal Discourse]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 1, pp. 47-50.
12. Ryabova O.A., Fofonova U.A. (2024) O pravovom polozhenii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii [On the Legal Status of Artificial Intelligence in the Russian Federation]. *Agrarnoe i zemel'noe parvo* [Agrarian and Land Law], 1 (229), pp. 147-149.
13. Saigitmagomedova Kh.S. (2024) Pravovoe regulirovanie sistem iskusstvennogo intellekta [Legal regulation of artificial intelligence systems]. *Zakon i parvo* [Law and legislative], 1, pp. 88–90.
14. Smolenskii M.B., Abdrakhimova V.R. (2024) Pravo avtorstva na proizvedeniya, sozdannye iskusstvennym intellektom: problemy upravleniya i perspektivy razvitiya [Copyright of works created by artificial intelligence: management issues and development prospects]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management], 1 (164), pp. 87-90.
15. Spiridonov A.P. (2024) K voprosu ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnoi deyatel'nosti [On the use of artificial intelligence in judicial activity]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian judge], 2, pp. 49-54.